

История философии, 65. Джон Дьюи.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Прежде чем перейти к Джону Дьюи, позвольте мне подвести итог тому, что мы говорили об американском прагматизме в целом и о Уильяме Джеймсе в частности. Мы видели некоторое сходство между процессной философией Уайтхеда и прагматизмом Джеймса. Мы найдем еще больше сходств у Джона Дьюи.

Но сходства обусловлены их неприятием Декарта и фундаментализма, их заботой о первенстве конкретного опыта, а не о каком-то искусственном, абстрактном представлении о том, что такое опыт, как у Джона Локка. Органическая модель, где отдельные события взаимосвязаны в единый процесс, — это, на мой взгляд, то, что объединяет прагматизм и Уайтхеда. Главное различие между двумя традициями заключается в методологическом натурализме прагматистов.

Начатая Чарльзом Сандерсом Пирсом, как вы помните, в его брошюре о фиксации убеждений, эта концепция довольно ясно выражена и у Уильяма Джеймса, когда он говорит о прагматизме как о методе разрешения философских споров. Как? В основном, путем проверки эмпирических последствий теории. Происходят ли они? Это подтверждение гипотезы экспериментальным путем, что и является понятием научного метода, которое было у Пирса.

Таким образом, Джеймс привносит это в философию. Это означает, что философия будет ограничена тем, что имеет значение для конкретного опыта, тем, что имеет практические последствия. И Джеймс опубликовал книгу под названием «Радикальный эмпиризм».

Радикальный эмпиризм. Суть в том, что Джон Локк был недостаточно радикален. А в радикальном эмпиризме он, видите ли, оперирует прагматической теорией значения.

Единственно значимые споры — это те, которые имеют практические последствия. Прагматическая теория смысла. И поэтому он отказывается обсуждать любые вопросы, связанные с субстратом или субстанцией, разумом, материей и так далее.

Это не имеет отношения к опыту, не имеет значения. Точно так же он отказывается вступать в дебаты о метафизическом модизме против метафизического плюрализма, материализме против идеализма. И начинаешь

задаваться вопросом, не забрасывается ли весь спектр теоретических вопросов в философии.

Ну, это что-то вроде радикальной эмпирической теории значения, которая, как мне кажется, лежит в основе комментария одного из моих профессоров, который, вводя семинар, сказал, что, по его мнению, прагматизм и позитивизм — это одно и то же, и оба они ведут в тупик. Потому что у них обоих есть теория значения, прагматическая теория значения, а затем позитивистская теория значения, которую мы увидим позже, которая ограничивает то, что является ментально значимым, когнитивно значимым, тем, что имеет определенные виды эмпирических последствий проверяемого рода, понимаете. А здесь, у Джеймса, это радикальный прагматизм.

У позитивистов это то, что Айер называл устранением метафизики. Вы прочтаете главу Айера под этим названием, когда мы перейдем к позитивизму. Итак, у Джеймса есть это примечание.

Эта тенденция искать эмпирические следствия, проверять с помощью эмпирических следствий, проявляется в его эссе под названием «Воля к вере», которое вы, вероятно, прочтете, например, в журнале «Философия религии». Джеймс отвечает на работу более раннего автора, У. К. Клиффорда, под названием «Этика веры», в которой Клиффорд утверждал, что если нет веских доказательств в пользу одной точки зрения, а не другой, нет весомых аргументов, то принимать решение морально безответственно. Следует воздерживаться от суждений.

Вот вам старый эвиденциалистский тезис Джона Локка: нужно соотносить своё убеждение с имеющимися доказательствами. И если доказательств в пользу одной точки зрения не больше, чем в пользу другой, это уже существенно, и тогда следует воздержаться от согласия.

В своей работе «Воля к вере» Уильям Джеймс ответил, что воздерживаться от согласия не всегда возможно. В реалиях жизни нам приходится принимать важные решения и делать осознанный выбор. Это конкретный опыт.

Итак, в отсутствие этого доказательного требования, как вы собираетесь принять решение? Понимаете? И его мысль заключается в том, что вы задаете себе вопрос, исходя из последствий двух убеждений, на основе конкретного опыта, что для Джеймса, с его психологическим образованием, означает ваше психологическое благополучие. Понимаете? Таким образом, если одно убеждение обещает вам больше в психологическом плане, чем другое, то это достаточное основание для проявления воли верить. Понимаете? Добровольное согласие.

Это эссе до сих пор остается одним из классических опровержений доказательной теории Джона Локка. Понимаете ? Другое опровержение, я думаю, исходит от шотландского реализма, оказавшего влияние на наших современников, таких как Элвин Плантинга, который говорит в ответ на доказательную теорию: «Я не вижу никаких оснований так считать». Другими словами, где доказательства доказательной теории? Никаких.

Он пытается сказать, что существуют определенные убеждения, которые возникают настолько естественно, спонтанно, что у нас действительно нет выбора, кроме как воздерживаться от их принятия. Таким образом, в этом эссе Уильям Джеймс демонстрирует свой метод в действии. У него есть еще одно эссе, в котором он говорит о философах с жестким и мягким характером.

Понимаете, это психологические различия. То есть, если они оправдывают себя денежной ценностью конкретного опыта, то это психологический фактор. И поэтому он считает, что философы с жестким мышлением будут верить в некоторые вещи.

Они примут эмпиризм и тому подобное, детерминизм и тому подобное. Философы с мягким характером будут верить в другое. Весь личный контекст убеждений.

Хотя это звучит довольно релятивистски , на самом деле, если рассматривать психологию убеждений, природа личности на них влияет. Знаете, мне интересно, мог ли масштабный критический анализ Канта, которым некоторые из вас так восхищаются, быть написан калифорнийским хиппи? Видите ли, это была работа прусского холостяка, чья жизнь была настолько организована, что соседи сверяли свои часы по тому времени, когда он шел по улице в университет.

А расслабленный калифорнийский образ жизни вряд ли породит подобную работу. Что ж, те из вас, кто в следующем году пойдёт на семинар по Канту к моему другу Стю Хакетту, увидят сходство между его психологическим складом и критикой Фюрейзена . Ну, дорогой Стю, он такой организованный.

Когда несколько лет назад он отправился в Индию изучать индуистскую философию, он был совершенно, дотошным, и чуть не дошел до нервного срыва из-за царящей там неорганизованности. Взаимосвязь между психологией и личностью — это удивительная вещь. И, конечно, если вы хотите преодолеть эту психологическую зависимость, вам, очевидно, понадобятся более универсальные точки отсчета.

вы хотите узнать, что представляет собой общая человеческая природа , а не какой-то конкретный тип . Помните, что противоположность относительности —

это универсальность. И существует множество факторов, влияющих на то, во что человек верит и о чем думает.

Некоторые из них — это индивидуальные особенности, разные типы личности. Некоторые — это культурные особенности. А некоторые — это, понимаете, обычные человеческие черты.

Чтобы выйти за пределы относительного и перейти к универсальному, нужно обратиться к общечеловеческому началу и к тому, что соответствует, что естественно для общечеловеческого начала. Я полагаю, именно этим занимался Августин, когда говорил о беспокойстве сердца до тех пор, пока, как он считает, это не станет его общим началом. Вы найдете сходства между этим и экзистенциализмом, а также некоторыми его разновидностями. Примат практического, видите ли, включает в себя человеческую субъективность, целостную личность, нашу внутреннюю сущность, а также рассмотрение объективных факторов.

И в Джеймсе это особенно очевидно. Что ж, возможно, этого достаточно, чтобы проиллюстрировать, что делает Джеймс. Какие-нибудь комментарии, или мы готовы к большому «Д»? Дьюи.

Хорошо. Когда я говорю, что Дьюи родился в 1859 году и умер в 1952 году, это звучит довольно недавно. Думаю, он первый, чья жизнь перешагнула середину века, 1952 год.

Дьюи представляет не только прагматизм, который, по сути, является методом, способом решения философских и других вопросов, но и то, что я называю эволюционным натурализмом. Иными словами, он философский натуралист. Всё объяснимо с точки зрения физических процессов.

Но тот вид натурализма, который он исповедует, во многом основан на теории естественного отбора Дарвина. Этот его эволюционный натурализм — шаг от эволюционного идеализма, с которого он начал свою философскую деятельность, — эволюционного идеализма, основанного на идее исторического процесса, разворачивающегося к всё более сложным формам жизни: физическим, социальным, культурным, — к всё более конкретному опыту. В этом его эволюционном натурализме вы найдёте три ключевых понятия, которые, я думаю, помогут вам очень быстро понять, что он делает в различных темах, которые он затрагивает в своих философских трудах.

И, конечно же, он довольно хорошо рассматривает все эти вопросы. Он рассматривает их все в своей книге «Только в период Реконструкции», которую вы сейчас читаете. Его концепция опыта, прежде всего, гораздо ближе к

концепции, которую вы находите у Уайтхеда и Джеймса, чем к концепции опыта у Джона Локка.

Таким образом, Уайтхед, Джеймс и Дьюи в определенной степени похожи друг на друга. Опыт включает в себя аффективный опыт, психологический и эмоциональный аспекты. Так было и в случае с Уайтхедом и Джеймсом.

Но это также включает в себя социальный и культурный опыт. И, читая его книгу, вы, возможно, задаётесь вопросом, не находится ли он под влиянием авторов из социологии знания, поскольку он говорит обо всех социальных и культурных факторах, формирующих философию. В самом деле, если Уайтхед говорит о влиянии естественных наук на философию, то Дьюи говорит о влиянии социальных изменений на философию.

И какой бы вариант вы ни выбрали, обратите внимание, насколько он отличается от отапливаемой печи комнаты Декарта, в которой нет внешних влияний. Отапливаемая печь комната становится символом очень многого. Изолированного человека и уединения собственного разума, отгораживающегося от любого внешнего влияния, исторического или иного.

Такая абстракция от жизни. Что ж, конкретный опыт, следовательно, — это очень, очень широкое понятие. Он говорит о текучем опыте.

Текущность ощущений. словно это постоянный, непрерывно протекающий процесс, который вы почти не осознаёте, настолько он текучий. Помню, как в своё время, когда я впервые читал Дьюи и столкнулся с понятием текучести ощущений, у меня был Dodge 1946 года, который тогда назывался «гидродинамическим приводом».

Что такое гидропривод? Ну, я не совсем уверен, но, думаю, это был шаг к автоматической коробке передач, потому что переключение было настолько плавным, что вы почти не замечали переключения передач, хотя всё ещё переключали их вручную. Гидропривод. Вы почти не замечаете перехода от одного момента или ситуации к другому.

Одно плавно перетекает в другое. Плавное движение. Плавный опыт для Дьюи.

Но изменчивый опыт, который на самом деле является лишь продуктом привычки, привычного поведения, привычных реакций, прерывается тем, что Дьюи называет проблемными ситуациями. Проблемная ситуация. И только проблемные ситуации пробуждают мысли.

Видите ли, роль интеллекта, интеллекта, заключается в разрешении проблемных ситуаций. В противном случае вы будете жить по привычке, не

задумываясь. Знаете, вы думаете о том, что делаете за рулем? Или вы действительно задумываетесь только о том, что делать, когда попадаете в проблемную ситуацию? Я помню, как ездил по Сиэтлу.

А если вы когда-нибудь ездили по Сиэтлу, то знаете, что там есть очень крутые холмы с дорожными знаками «Стоп» на вершине. Это почти так же сложно, как езда в некоторых районах Сан-Франциско. Вы наверняка видели фотографии холма, который петляет и петляет .

Знаете, есть такие, которые идут прямо вверх, с указателями остановки наверху. Как обычно вести себя в такой ситуации, если вы выросли, катаясь по равнинной местности, где много свиней? Проблемная ситуация. Вы придумываете несколько альтернатив, а затем можете сделать то, что я иногда делаю в подобных случаях: нажать на ручной тормоз, затем выжать сцепление и переключить передачу.

И постепенно отпустите ручной тормоз, надеясь, что вам удастся нажать на газ достаточно сильно, чтобы переехать через препятствие. Суть в том, что плавный процесс восприятия прерывается проблемными ситуациями, требующими обдумывания. У вас появляются идеи.

Я знаю, что я сделаю. Эй, давай попробуем. Так что это экспериментальное мышление.

Вы размышляете, экспериментируете с идеями, чтобы решить проблемы. А если вам нравится искать диалектические ситуации, то проблемная ситуация — это диалектическая ситуация. В ней есть тезис, антитезис и синтез.

Тезис — это изменчивый опыт, который прерывается антитезисом в проблемной ситуации, в какой-либо угрожающей ситуации. Тезис, антитезис. И то, что вы ищете, чтобы сформулировать правильную идею, — это синтез, который позволит вам принять тезис антитезиса и перейти к следующему.

Синтез становится тезисом для следующего. Таким образом, диалектика находится прямо здесь. Итак, интеллект — это решение проблем в ходе привычного опыта, что приводит к его функционалистской психологии.

Функционалистская психология, говоря простым языком, — это теория, согласно которой все наши психические процессы, психологические процессы, являются просто функциями телесных потребностей, функциями биологических потребностей. Таким образом, наши желания — это биологически обусловленные функции организма, который пытается адаптироваться к окружающей среде, пытается реагировать на что-то в этой среде. Разум — это

функция организма, который развился и размышляет о том, как адаптироваться к окружающей среде.

Иногда именно разум помогает скорректировать желания в свете того, что вы узнаете о проблемной ситуации. Не волнуйтесь. Всё будет хорошо.

Посмотрите, посмотрите, посмотрите и посмотрите на это. Рост — это не устойчивое движение к фиксированной цели, а непрерывный эволюционный процесс, в котором различные виды опыта включаются в текущий опыт, который и есть «я». Функционалистская психология.

И вы можете увидеть нечто подобное, например, на страницах 83-86, на страницах пять и шесть в начале книги, где он настаивает на том, что мы — существа, движимые желаниями, а не интеллектом. Функционалистская психология. Хорошо, и именно здесь вы начинаете видеть, что лежит в основе всего этого, концепция опыта и психология, его теория естественного отбора.

В третьей главе вы увидите, что он прямо отвергает любую неизменность видов, поскольку признает, что традиционное представление о неизменности видов является всего лишь продолжением аристотелевской концепции неизменных форм и сущностей. Честно говоря, я думаю, он прав в том, что неизменность видов — это просто продолжение аристотелевской традиции. Он отвергает любые реальные универсалии, и, отвергая реальные универсалии, он отвергает внутренние конечные причины неизменного рода.

Талос. В этике или в чем-либо еще нет фиксированных целей, к которым следует стремиться. Нет фиксированных законов мышления.

То, как мы мыслим, — это всего лишь инструмент адаптации к меняющемуся миру, а законы мышления возникли как инструменты, доказавшие свою эффективность в этой адаптации. Таким образом, его мысль заключается в том, что философия — это не чистая теория. Она возникает в практическом контексте.

Это влечёт за собой практический контекст. Вся его суть заключается в конкретном опыте, а не в теории ради теории. Думаю, эти три концепции в целом суммируют то, что можно назвать, если хотите, теоретическим ядром мышления Дьюи.

Мне нужно быть осторожным, когда я говорю «теоретический» в отношении Дьюи, но это теоретическое ядро его мышления. Это главная гипотеза, которая порождает более мелкие гипотезы в отношении эпистемологии, философии сознания и т. д., для которых, по его мнению, существует экспериментальное подтверждение. Приложения.

Хорошо. Давайте пробежимся по этим пунктам. Мы можем сделать это довольно быстро.

Я уже говорил, что он говорит об экспериментальном мышлении, и мне не нужно снова объяснять, почему. Это просто применение научного метода ко всему. И поэтому он говорит о натурализации эпистемологии.

На самом деле, до сих пор вы встречали книги и философские статьи о натурализованной эпистемологии, и идея натурализации эпистемологии, по сути, начинается с Дьюи. Он хотел, чтобы эпистемология, вместо того чтобы предписывать, как мы должны познавать, вместо предписывающей эпистемологии, описывала природу исследования, если хотите, в его естественной среде, то есть в практических требованиях конкретного опыта. Натурализованная эпистемология означает, что эпистемология будет описывать то, как исследование функционирует в соответствии с теорией естественного отбора.

Таким образом, эволюционный аспект определяет его подход. Соответственно, он очень четко придерживается операционалистского взгляда на научные понятия. В 1925 году Перси Бриджман, физик из Гарварда, опубликовал книгу под названием «Логика физики», в которой он развил операционалистский взгляд, который, как мне кажется, был намечен и другими ранее, но именно Бриджман разработал его систематически, и Дьюи его принял.

Итак, операционализм — это просто точка зрения, согласно которой значение теоретического понятия в науке связано с тем, что эмпирически наблюдается при выполнении определенных операций. Это операциональное значение, операциональное определение, операциональное определение. Да, мы постоянно сталкиваемся с тем, как, как нам следует поступать, люди выдвигают теории, предложения, образовательные теории, идеи учебных программ, и вопрос в том, как это операционализировать? То же самое верно и для политической политики.

Кандидат может выдвинуть какую-нибудь замечательную идею, и тут кто-то спрашивает: «А как вы собираетесь её операционализировать?» Здесь, видите ли, в дело вступает прагматическая теория значения (Уильям Джеймс), потому что, если вы хотите узнать, что означает теоретическое понятие, вы спрашиваете, каковы его практические последствия, что происходит, когда вы его операционализуете? Таким образом, операционализм — это просто применение прагматической теории значения к философии науки. Мне нравится пример из минералогии, где шкала твердости Мора, то есть шкала, говорящая о твердости минералов, шкала твердости Мора, предположительно,

говорит о твердости минералов, по крайней мере, об относительной твердости одного минерала по сравнению с другим. Вот и всё, что она говорит.

Почему? Потому что при использовании шкалы твердости Мора вы трете два минерала друг о друга, и тот, который оставляет след, по определению тверже того, на котором он остался. Итак, что такое твердость? Относительная царапаемость. Это рабочее определение твердости.

Там не объясняется, что такое твердость. Нет, возьмите свои слова обратно. Там не объясняется, что такое твердость.

Речь идёт не о сути твёрдости, а о том, что собой представляет твёрдость. Это происходит, когда вы выполняете определенную операцию. Таким образом, операционализм относится к философии науки, и это, очевидно, сродни инструменталистскому взгляду на науку.

Инструментализм — это точка зрения, согласно которой наука не рассказывает нам о природе реальности. Она просто предоставляет нам полезные знания, которые мы можем использовать для дальнейших исследований или для разработки приложений науки. Теперь спросите студентов естественнонаучных специальностей, почему они идут в науку, почему они хотят сделать научную карьеру.

Вы обнаружите, что очень многие из них скажут: «Ну, потому что я могу это использовать». Понимаете, не просто зарабатывать на жизнь, а заниматься медициной, инженерией, охраной окружающей среды и так далее. Прикладные науки.

Инструментализм утверждает, что именно в этом и заключается суть науки. Видите ли, научные теории не следует воспринимать как нечто, раскрывающее природу реальности. Научные теории — это просто полезные инструменты для того, что мы называем прикладными науками.

Теперь вы затрагиваете вопрос о взаимосвязи теории и практики. Теория и практика. Судя по тому, как некоторые говорят о гуманитарном образовании, можно подумать, что оно имеет чисто инструментальную ценность, не связано с истинной сущностью вещей, с тем, что значит быть человеком, какова природа реальности.

Таким образом, инструментализм рассматривается как разновидность антиреализма в науке. Дело в том, что научный реализм — это точка зрения, согласно которой наука рассказывает нам о реальности. Научный антиреализм — это точка зрения, согласно которой наука не рассказывает нам о реальности.

В этом смысле Дьюи является одним из главных сторонников научного антиреализма. Но обратите внимание на его доводы. Знание — это функция биологического организма, адаптирующегося к окружающей среде.

Приспосабливаясь к проблемной среде, вам не нужно знать суть реальности. Вам не нужен избыток теории. Все, что вам нужно, — это несколько идей о том, как решить проблему.

Таким образом, вместо того чтобы говорить о традиционной формальной логике, он говорит об экспериментальной логике, логике экспериментального мышления. У него есть книга под названием «Логика», в которой нет силлогизмов. Логика, видите ли, посвящена экспериментальному мышлению.

У него есть небольшая книжка, очень простая, под названием «Как мы мыслим», в которой подробно объясняется, как мы мыслим таким образом, таким способом решения проблем. Хорошо, вы едете по шоссе. Проблемная ситуация.

Впереди, с боковой дороги, на дорогу выезжает фермерский фургон. Что вы будете делать? В голове мелькают разные идеи. Первый шаг — остановка.

Резкий съезд, номер два. Полная остановка на дороге, номер три. Разведите руками и надейтесь, что сработает подушка безопасности, номер четыре.

Понимаете? В обычных условиях, едва эти идеи приходят вам в голову, как одна из них сразу же становится главной темой ваших действий. Почему? Потому что вы опираетесь на накопленный опыт. Да, у вас есть целый запас опыта, полученного за рулём, понимаете, благодаря прошлым случаям.

Вы экстраполируете это на следующий случай. То есть, что вы делаете — резко тормозите, резко сворачиваете и съезжаете с шоссе одновременно. Теперь, возможно, есть ситуации, когда вам действительно нужно поэкспериментировать с этими идеями.

И он рассказывает о случае, когда кто-то шел на собеседование. Тропа вела через лесистую местность, через мост через ручей, а оттуда в город. Парень добрался до моста и обнаружил, что он сломан.

Всё, моста нет. Что он будет делать? Если он поедет обратно по дороге, то опоздает на собеседование.

Если он будет продвигаться вверх по течению в надежде найти другой мост, это вполне возможно. Он проводит мысленные эксперименты. Давайте посмотрим, как далеко находится тот другой мост? Сколько времени мне понадобится,

чтобы добраться до него, а затем, когда я доберусь туда, вернуться обратно? Хорошо, мысленные эксперименты.

Ещё один вариант — попробовать перепрыгнуть ручей в длину. Он не уверен, что это сработает, поэтому делает несколько прыжков в длину на берегу, чтобы посмотреть, как далеко он сможет долететь. Думаете, это поможет? Ну, давайте всё-таки попробуем.

И экспериментальное подтверждение. Что такое идея? Видите ли, вы придумываете идею. Что такое идея? Это не какое-то представление, не какая-то копия, в терминах вторичного качества, объекта первичного качества.

Нет. Идея — это гипотеза. Это предварительный план действий.

Вы опираетесь на прошлый опыт, экспериментируете, чтобы понять, поможет ли это решить проблему. А хорошая идея — это та, которая работает. Как заставить её работать? Претворить её в жизнь.

Что значит «проверить»? Проверка — это подтверждение истинности утверждения. Вы сами делаете его истинным. И это истинно только тогда, когда вы вовремя приходите на собеседование, не будучи весь в грязи.

Итак, экспериментальное мышление. Именно так он говорит об эпистемологии. Он отвергает уверенность в практических целях.

Он отвергает эмпиризм наблюдателя. Джон Локк. *Tabula rasa*.

Пассивное восприятие идей. Чужь. Он отвергает любой субъектно-объектный дуализм, знаете, когда разум получает ментальные представления о том, что существует вне нас.

Нет, он всё это отвергает. Потому что всё это отрывает мысль от действия, теорию от практики.

Важно то, насколько идея полезна. Истина — это не нечто объективное, неизменное на все времена и не зависящее от наблюдателя. Истина — это просто полезность, работоспособность идеи.

Итак, это применение к логической эпистемологии. Достаточно понятно? Видите, почему он идёт этим путём? Философия сознания. Что ж, после замечания о функционалистской психологии больше нечего добавить.

Совершенно очевидно, что он отвергает любую субстанциальную теорию разума или души. У него нет, по крайней мере, он не видит проблемы

соотношения разума и тела, если разум не является отдельной сущностью. Всё, о чём он готов говорить в связи с философией сознания, — это различные то, что мы называем психическими функциями.

«Психический» — это прилагательное. Иными словами, слово «психический» относится только к определённым биологическим функциям, связанным с сознанием. Теория ценностей.

Здесь представлен ряд важных трудов. Среди них — довольно ранняя книга под названием «Теория оценки». А также ещё одна книга, «Человеческая природа и поведение».

Здесь он рассматривает ценности просто как идеи. Ценности — это идеи. В каком смысле? Ну, ценности — это идеальные результаты.

Идеальные результаты, которые возникают в проблемных ситуациях. Иными словами, вы не цените возможность избежать столкновения с этой повозкой до тех пор, пока такая ситуация не возникнет. Тогда вам, биологически, необходимо её избежать.

Ценность проистекает из биологической потребности. Дьюи не интересуется ценностью в смысле того, что является внутренне и вечно ценным. Его интересуется ценность только в смысле того, что активно ценится.

Ценности — это то, что ценится. И вы цените то, что цените, в проблемных ситуациях. Иначе вы этого не осознаете.

Иными словами, ценности — это идеи, которые порождают другие идеи о разрешении проблемной ситуации. Не существует изначально благих целей. Не существует изначально благих целей.

Вы помните, как Аристотель определял благо как благо, обладающее внутренней сущностью? Высшее благо включает в себя все другие блага. Благо, обладающее внутренней сущностью, а не благо ради чего-то другого.

Итак, Дьюи настаивает на континууме «средства-цель». Иными словами, цель, идеал, включает в себя средства достижения цели. Но когда эта цель достигнута, помните, она становится тезисом для новой антитезы.

Таким образом, сама цель является лишь средством для достижения дальнейших целей. Нет ничего, что было бы просто целью, внутренней целью, фиксированной целью. Когда вы её достигаете, вы её достигаете, и точка.

Это никогда не бывает точкой. Это сплошной процесс. Поэтому здесь нет абсолютных моральных принципов.

Высшего блага не существует. Ценности возникают из неудовлетворенных потребностей. Ценности — это инструменты выживания.

Ценности в каком-то смысле не являются моральными благами. Они являются неморальными благами. Выживание — это неморальное явление.

Ничего. И все же в определенных проблемных ситуациях это приобретает особую ценность. Таким образом, этика связана с тем, как решать проблемы и достигать желаемого.

Как решать проблемы и достигать желаемого. Это инструментальная этика. Он называет это инструментализмом в этике.

Работа Дьюи по этике стала одним из главных факторов, способствовавших развитию ситуационной этики два-три десятилетия назад. Она получила широкую известность благодаря книге с таким же названием, написанной Джозефом Флетчером, не имеющим отношения к другому известному здесь Флетчеру, Джозефу Флетчеру из Гарварда.

Книга по ситуационной этике. В ней утверждается, что да, каждую моральную ситуацию необходимо рассматривать индивидуально. Не существует общих моральных правил.

Нет четких руководящих принципов. Универсальные моральные принципы. Каждая ситуация должна быть разрешена таким образом, чтобы это удовлетворяло всех участников .

Он добавил ещё несколько ингредиентов, но это прагматический компонент. И это очень просто, в духе Дьюи, с несколькими экзистенциальными замечаниями. То есть, это его теория ценностей на тот момент.

Образование? Да, в сфере образования вам стоит обратиться к его книге «Демократия и образование». Он рассматривает функцию образования как обучение жизни.

Учимся жить. Иными словами, образование предоставляет вам необходимые инструменты для решения проблем. Для решения проблем.

Учиться нужно не для того, чтобы всю жизнь иметь над чем размышлять. Чтение Платона. Мелтон.

Как бы там ни было. Обучение — это не попытка навязать фиксированные ценности. Это наследие ценностей прошлого.

Нет, это не то, в чём ценность обучения. Это классическое образование. Образование же — это скорее подготовка к успешной адаптации к окружающей среде.

Проблемно-ориентированный. Ориентированный на студентов. Вместо того чтобы быть ориентированным на конкретную дисциплину .

Или с исторической точки зрения. Или просто с интеллектуальной точки зрения. Хорошо.

Я думаю, что в американском образовании со времен Дьюи сложилось своего рода сочетание классических традиций и его акцента на обучении, которое дает жизненные навыки. И, как мне кажется, это происходит потому, что наш взгляд на вещи, как правило, включает в себя некоторые из проблем, поднятых Дьюи, но не доводит их до конца. У нас по-прежнему есть фиксированные точки отсчета.

Применение к религии. И здесь важная его книга называется «Общее лицо». Общее лицо.

Если нет незабываемых истин или ценностей, то религия — это не просто попытка передать определенные истины и ценности. Что же это такое? Речь идет не о статичных идеалах. Религия — это, опять же, инструмент для корректировки жизни.

На протяжении всего произведения прослеживается одна и та же тема. Его интересует не столько религия или разные религии, сколько прилагательное «религиозный», которое обозначает качество, отношение к жизни. Религиозное отношение — это верность идеалам общества.

Верность идеалам сообщества. Почему? На то есть две причины. Первая — этимология слова «религия», которое означает «восстанавливать связь».

Или, если хотите, воссоединить. Таким образом, религия выполняет функцию воссоединения людей внутри сообщества на основе верности определенным нематериальным идеалам традиционного или условного характера. Не каким-либо двум фиксированным идеалам.

Иными словами, религия важна именно потому, что она инструментальна. Не потому, что она истинна, а именно потому, что она инструментальна.

В этом контексте слово «Бог» — это не имя существа, а символ идеалов, которые разделяет общество. Стремление к Богу. Стремление к идеалам общества.

И он утверждал бы, что это самый низкий общий знаменатель во всех исторических религиях. Самый низкий общий знаменатель всех исторических религий. Он выделяет не какое-то конкретное убеждение, а определенное отношение.

В конце концов, религии исповедуются как сообщество, объединенное общими интересами этой веры. Таким образом, то, что Дьюи говорит о религии, по сути, является сущностью религиозного гуманизма.

Дьюи был одним из первых подписантов Гуманистического манифеста, который в 1930-х годах провозгласил, что Вселенная самодостаточна, человек является частью природы и возник в результате непрерывного процесса. Религиозная культура людей — это продукт постепенного развития, обусловленного взаимодействием с окружающей средой. Наука делает неприемлемыми любые сверхъестественные или космические гарантии человеческих ценностей.

Религиозный гуманизм считает, что полная реализация человеческой личности, удовлетворение и так далее — это цель жизни. И так далее. У меня есть экземпляры этого Гуманистического манифеста, которые вы можете взять при выходе и прочитать по своему усмотрению.

Очень интересный документ. Светский гуманизм 70-х и 80-х годов — это просто более поздний потомок этого. Религиозный гуманизм — это натуралистическая религия.

Понимаете? Натуралистическая религия. Где Бог означает то, что говорит Дьюи. А именно, это символ идеалов.

Больше нет. И очень часто в унитарных кругах сегодня можно встретить натуралистический гуманизм. Исторически унитаризм было своего рода теизмом.

Видите ли, в отличие от тринитаризма. Но все чаще унитаризм и движение за единство представляют собой просто натуралистический гуманизм. С принятием определенных ценностей.

На самом деле, провозглашаемые моральные и социальные ценности часто очень хороши. Поэтому именно религиозный аспект является натуралистическим элементом. Что ж, хорошо, мы вернемся к этому в следующий раз.

Несколько комментариев о Джоне Дьюи.